

УДК 008

Л. А. Климов

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК СИСТЕМА

Одной из основополагающих и одновременно наиболее размытых категорий современного музееведения является категория «наследия». Несмотря на то, что большинство музееведческих исследований, лежащих как в плоскости теории, так и нацеленных на осмысление практики, так или иначе затрагивают рассматриваемую категорию, единой и непротиворечивой дефиниции до сих пор не существует, употребление понятия в значительной степени зависит от конкретного контекста, а смысл зачастую оказывается окказиональным. В самом общем виде под наследием понимаются объекты материального, а с недавних пор и нематериального культурного мира, обладающие исключительной ценностью с различных точек зрения, в частности с исторической, эстетической, мемориальной, этнологической и т. д. Нередко, говоря о наследии, исследователи ограничиваются артикуляцией значимости его для современности и будущего, выполнения функции «защитного слоя» или «мембраны», которая должна «как бы процеживать культурные вызовы извне»¹, а также осмыслиют явление исключительно как «информационный потенциал», «запечатленный в явлениях, событиях, материальных объектах»², т.е. анализ явления как целостности зачастую ограничивается анализом его функционирования. Следует, однако, отметить, что в ряде последних исследований заостренно поднимается проблема сложности рассматриваемого явления. Так, А. В. Лисицкий отмечает, что наследие представляет собой «сложную социокультурную систему <курсив наш – Л.К.>, подчиненную синергетическим законам, активно взаимодействующую со средой и транслирующую определенную, меняющуюся во времени и пространстве информацию»³, но самое строение системы именно как системы в большинстве случаев не рефлексировано, в то время как рассмотрение системных характеристик наследия именно позволяет осознать его сущность и роль в рамках метасистемы культуры, а также скорректировать представление об институциях с наследием связанных⁴.

¹ Замятин Д. Н. Образ наследия в культуре: методологические подходы к изучению понятия «наследие» // Этнографическое обозрение. 2008. № 6. С. 122.

² Кулешова М. Е. Понятийно-терминологическая система «природное культурное наследие»: содержание и основные понятия // Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов: Сб. науч. тр. М., 1994. С. 41.

³ Лисицкий А. В. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития. Дис. канд. культурологии. М., 2005. С. 15

⁴ В данном контексте мы избегаем слова «музей», поскольку разделяем концепцию Э. Странского, согласно которой музей представляет собой одну из множества возможных форм реализации музеальности – музейного отношения человека к реальной действительности

Говоря о наследии как о системе, следует в первую очередь отдавать себе отчет в том, что оно является не просто суммой элементов, а таким множеством, которое «оказывается так или иначе упорядоченным, образуя определенное целое, свойства которого не сводятся к свойствам составляющих его элементов»⁵. Поэтому помимо элементарного анализа составных частей необходимо также рассматривать наследие как «относительно автономную подсистему некоей более обширной и сложной метасистемы»⁶, имея также в виду ее генезис и неизбежную трансформацию, зависящую от трансформаций метасистемы, частью которой она является.

Исходным пунктом наших размышлений является положение о том, что категория наследия не является имманентной как материальным, так и нематериальным объектам: в процессе создания того или иного объекта отсутствует интенция создания наследия. Осознание и артикуляция этого факта позволяют поставить вопрос об особом способе их существования и динамике смыслового объема. Одновременно, являясь подсистемой метасистемы культуры, наследие неизбежно оказывается изоморфным культуре.

Важнейшим свойством любого объекта наследия, вне зависимости от того, какого рода аксиологическими характеристиками он наделен, является информативность. Объект, являющийся частью наследия, является хранителем информации, которая путем ряда процедур может быть из него извлечена. Разрабатывая теорию когнитивной истории, О. М. Медушевская формулирует категорию «интеллектуального продукта», в качестве которого может быть рассмотрено любое явление культуры. «Интеллектуальный продукт», по ее мнению, «представляет собой вещь», поэтому он «выступает как стабильный и доступный для общества информационный ресурс». Одновременно он является овеществлением информационного ресурса и входит в «непрерывно пополняемый тезаурус человеческого рода»⁷. Характеристика «интеллектуальности» связана с признанием того, что продукт является результатом деятельности человека. Согласно мнению М. С. Кагана, продуктивная деятельность призвана «заменить атрофированный у человека генетический механизм передачи от поколения к поколению и от вида к индивиду всех поведенческих программ новым механизмом – механизмом ‘социального наследования’». Для этого как раз и оказывается необходимым «опредмечивание» накапливаемого человечеством опыта, позволявшее «сохранять в объективированном и оторгнутом от самого человека – и потому не исчезающем с его смертью – виде добываемые им знания, ценности и умения <...> В результате деятельность человека породила <...> культуру»⁸. При этом, по словам О. М. Медушевской, «человек может не только зафиксировать информационный ресурс, но

⁵ Каган М. С. О системном подходе к системному подходу // Он же. Системный подход и гуманитарное знание: Избранные статьи. Л., 1991. С. 19.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 46. Следует, однако, подчеркнуть, что «тезаурус человеческого рода» характеризуется не только и не столько «пополняемостью», сколько постоянными трансформациями.

⁸ Каган М. С. Философия культуры // Он же. Избранные труды: В 7-ми тт. СПб., 2007. Т. 3. С. 275.

и раскодировать эту информацию, включая ее снова в процесс своей целенаправленной деятельности»⁹. По всей видимости, именно таким образом и происходит «социальное наследование».

Однако если потенциально любой предмет является опредмеченной формой определенного сегмента информационного ресурса человечества и, следовательно, потенциально может участвовать в процессе социального наследования, то отнюдь не любой предмет и не любая нематериальная форма может быть осмыслена как наследие. А для такого осмысления предмет должен быть подвергнут определенным операциям¹⁰.

Предмет, выполняющий функцию социального наследования, а в качестве такового может быть представлено абсолютно любое явление культуры, в актуальной культуре не воспринимается и не может восприниматься как объект наследия. Выполняя определенную функцию, он «отрабатывает» свой информационный ресурс и изнашивается, причем как в материальном отношении, т. е. становится негодным, невозможным для функционирования согласно заложенной в него функции. Особенно это актуально для современности, когда стремительное развитие техники делает ту или иную вещь информационно изношенной, в тот момент, когда предел материального износа еще далеко не достигнут. Однако по определенным причинам в ряде случаев возникает необходимость сохранения в рамках актуальной культуры предметов, из нее выпавших или выпадающих, т.е. полного или частичного перевода их в иное функциональное, смысловое, интеллектуальное поле.

Как показывают исследования по истории музейного дела, мотивации сохранения выпавших или выпадающих из актуальной культуры предметов могут быть самыми разными¹¹, но во всех случаях есть определенные общие особенности. В частности, сохранение такого рода предметов возможно только в специально, искусственно созданных для этих целей зонах (античные музеи¹², церковные сокровищницы и реликварии, кунст- и вундеркамеры¹³, шкатулки для семейных драгоценностей, альбомы для открыток, новоевропейские музеи)¹⁴, которые непосредственно связаны с музеальностью¹⁵, поэтому описываемые зоны могут быть названы формами реализации музеальности.

⁹ Медушевская О. М. Теория и методология ... С. 33.

¹⁰ Вопрос о процессе получения предметом статуса «наследия» неоднократно поднимался в музеологии. В частности, примечательной представляется концепция О. Наварро о музеализации и патримониализации. Однако положение о том, что «предмет становится частью наследия <...> попадая на экспозицию и выступая в роли средства обучения» (Наварро О. История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 4), вызывает серьезные сомнения, поскольку презентация в экспозиции всегда подразумевает создание определенного контекста, который может быть чрезвычайно вариативным. В этом смысле предмет, ставший наследием, теряет значительную часть своего содержания, выходящего за рамки экспозиционного текста.

¹¹ Подробнее о мотивациях собирательства см.: Грицкевич В. П. История музейного дела до конца XVIII века. СПб., 2004. С. 70-92.

¹² См.: Поршнев В. П. Музей в культурном наследии античности. СПб., 2006.

¹³ См.: Vieregг H. K. Geschichte des Museums: Eine Einführung. München, 2008. S. 21-32.

¹⁴ Следует также отметить, что описываемые зоны могут не быть выведены за пределы актуальной культуры пространственно, но при этом они осмысливаются как находящиеся за пределами, что диктует, в частности, необходи-

Функционирование подобных систем выпавших предметов в рамках актуальной культуры связано с особенной ценностью сохраняемых предметов. При этом следует отметить, что акт сохранения обеспечивает не только, а может быть и не столько сохранность самого предмета, сколько сохранение стабильности той системы, в рамках которой этот акт осуществляется. Например, сохранение предметов, связанных с историей того или иного народа, фиксируют преемственность между отстоящими друг от друга, но генетически родственными культурами, сохранение религиозных святынь является убедительным доказательством для носителей религиозного мышления правомерности религиозной картины мира, сохранение предметов, связанных с Октябрьской революцией, демонстрирует значение перехода человечества в новую формацию. Иными словами, ценностью является не сам предмет, а определенная, заложенная в нем и «вычитываемая» из него информация.

Извлечение информации из предмета и дальнейшая ее передача путем презентации и интерпретации имеет в этом контексте наибольшее значение. Существование выпавшего из актуальной культуры предмета в новой для него зоне подразумевает разрушение прежних контекстуальных связей (в большинстве случаев они оказываются разрушенными еще до начала процесса сохранения) и создание новых, предмет становится элементом иной системы и начинает существовать по иным законам. Процесс осмысления объекта как наследия оказывается процессом надления его определенными смыслами, на основе характеристик структурных (текстуальных) и контекстуальных. При этом контекстуальные характеристики в ряде случаев оказываются определяющими. Принципиальное значение имеет также то, что такого рода дополнительное осмысление (надление дополнительными смыслами), имеет дискурсивную и рефлексивную природу. Если на простейшем уровне может происходить элементарный и даже фрагментированный речевой акт («сохраняю это по такой-то причине»), то в рамках более значительных систем для такого рода осмысления может потребоваться создание обособленного социокультурного института (например, музея).

Дискурсивная природа процесса осмысления в этом контексте является принципиально важной, т. к. этот процесс должен быть мотивирован. В рамках сложных систем может быть выработан определенный и зачастую даже детально проработанный жанр, каким является в музее «книга поступлений», «инвентарная книга» и т. д. Поэтому, если, по словам О. М. Медушевской, «каждый интеллектуальный продукт несет в себе, с одной стороны, отражение целеполагания создавшего его автора и с другой – отражает ту общую картину мира, то информационное пространство, в которое данный продукт органично вошел после его создания»¹⁶, в том случае, если мы рассматриваем интеллектуальный продукт как

мость сохранения и невозможность кардинального их изменения по утилитарным причинам (например, памятники архитектуры, находящиеся в центрах городов).

¹⁵ Ср.: «Задача исторической музеологии состоит в обнаружении, описании и анализе временных и пространственных обстоятельств, в которых появляется и осмысливается музеальность. При этом она рассматривает свой предмет как в перспективе его исторического развития, так и в отношении к настоящему» (*Raffler M. Historische museologie // Waidacher F. Museologie – knapp gefasst. Wien [u.a.], 2006. S. 275.*)

¹⁶ *Медушевская О. М. Теория и методология ... С. 55.*

наследие, необходимо также учитывать дискурсивное поле, в которое он перемещается. Предмет становится не просто текстом, но и включает в себя весь объем описания. Не включенность того или иного предмета в дискурсивное поле влечет за собой его осмысление как «не наследия».

Функционирование системы наследия в рамках метасистемы культуры возможно только благодаря ее изоморфности и наличию между ними характеристик подобия. При этом дополнительная смысловая нагрузка объекта наследия включает в себя комплекс смыслов только отчасти извлеченных из самого предмета и его прежнего контекста, но в большей степени соответствующий системе нового существования. По словам Р. Темпеля и К. Дегля, «культурное наследие является историческим аспектом культуры, причем должно быть безусловно ясно то, что в разговоре об актуальном культурном наследии речь идет всегда о конструкции настоящего, которая создается из взятого из прошлого материала, чтобы заполнить настоящее определенными смыслами <...> Это означает, что не существует *одного* определенного культурного наследия, но существуют разные формы культурного наследия, каждый раз изменяющиеся в новой актуальной перспективе»¹⁷.

Культурное наследие как система является в первую очередь подсистемой актуальной культуры и выполняет определенные значимые именно для метасистемы функции. При этом функция собственно сохранения и «распредмечивания» информации играют подчиненную роль, а на первом плане так или иначе выходит функция моделирования действительности, фактически – функция создания определенной модели действительности (или фрагмента действительности), соответствующей картине мира определенного этапа, на котором сохранение и презентация наследия происходит. Способы и методы раскодирования, а также – нового кодирования, оказываются на разных этапах принципиально различными, что определяет возможность конструирования из одних и тех же объектов действительности принципиально разных текстов – экспозиций и подобных им систем презентации.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы. Категория наследия может быть рассмотрена как дополнительная смысловая нагрузка, что позволяет изучить не только содержательную, но и процессуальную составляющую явления, характеризующуюся, прежде всего, дискурсивностью и рефлексивностью. Дискурсивная природа перехода объекта в состояния наследия связана с приращением его описания и дополнительной кодировкой (сочетающейся с процессом «распредмечивания»). Функционирование наследия возможно в специальных искусственно созданных зонах, связанных с понятием музеевности. Эти зоны могут быть рассмотрены как формы реализации музеевности

---

¹⁷ Tempel R., Dögl C. [u.a.] Wissenschaftliches und kulturelles Erbe in Österreich: Über die Definition, Sammlung, Erfassung, Erhaltung und Zugänglichkeit von wissenschaftlichen Quellen. Wien, 2006. S. 45.